

АЛЕНА СНЕЖИНА

РАЗВОД С ДРАКОНОМ

18+

ХОЗЯЙКА ЗАБРОШЕННОЙ ОРАНЖЕРЕИ

Алёна Снежина

Развод с драконом. Хозяйка заброшенной оранжереи

<https://litres.ru/74326417>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Не строй из себя идиотку, – отрезал резко генерал. – Ты прекрасно знаешь, о чём я. Ведь я так и остался бронзовым. Ваша кровь, кровь древних магов, оказалась бесполезной. Меня обманули. А ты... ты просто пустышка. Никчёмное, никому не нужное отребье, которое сплавил подальше от дома. И твой отец поплатится за свой обман.

*** **

Однажды утром я проснулась в чужом теле — в теле нелюбимой жены генерала-дракона. Родные насильно выдали замуж за него. Генерал презирает её и называют пустышкой.

Но я — не она.

В своём мире я привыкла решать проблемы, а не рыдать в подушку.

Пусть он сослал меня в эту богом забытую глушь — я не только выживу. Я превращу это изгнание в свою победу. А потом ещё и потребую развод.

Содержание

Глава 8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Алёна Снежина

Развод с драконом.

Хозяйка заброшенной оранжереи

Глава 1

Первым ощущением был запах. Не привычный аромат утреннего кофе из соседней кофейни, а тяжёлый, сладковатый запах ладана и воска, смешанный с пылью и каким-то цветочным парфюмом. Я зажмурилась сильнее и потянулась рукой к тумбочке в поисках телефона.

Вместо шероховатого пластика мои пальцы коснулись чего-то холодного, резного и невероятно гладкого. Дерево? Я провела ладонью по поверхности, и в голове зазвучала первая тревожная нота.

Я открыла глаза.

И тут же захотела их закрыть обратно.

Над моей головой простирался не белый гипсокартонный потолок с люстрой из икеи, а тёмное, кессонное дерево, расписанное причудливыми фресками. На них золотом и охрой были выведены драконы, обвивающиеся вокруг каких-то генеалогических древ. Я медленно, с неохотой, пере-

вела взгляд.

Комната. Огромная. Мрачная, несмотря на богатство. Тяжёлые бархатные портьеры цвета запёкшейся крови, дубовый резной комод, который в моей прошлой жизни сгодился бы как минимум под стойку ресепшена, и камин, в котором безжизненно лежала охапка серого пепла.

«Что за чёрт?» – вырвалось у меня шёпотом. Голос прозвучал чужим – выше, тоньше.

Я резко села на кровати. Слишком резко. В висках застучало, а в глазах поплыли тёмные пятна. Я упёрлась руками в матрас, пытаюсь поймать равновесие, и застыла.

Руки. Это были не мои руки.

Мои руки – это инструмент руководителя: с коротко подстриженными ногтями, мозолью от ручки на среднем пальце и маленьким шрамом от пореза бумагой на указательном. А эти... это были руки куклы. Длинные, изящные пальцы, фарфорово-белая кожа, идеально овальные ногти. Ни единой морщинки, ни единой родинки. Совершенные и абсолютно чужие.

По спине пробежала ледяная дрожь. Паника, острая и тошнотворная, сжала горло.

«Наверно мне это снится. Просто это очень яркий, очень детальный бред. Сейчас я проснусь в своей квартире, включу новости и пойду варить кофе».

Я сжала ладони в кулаки, и тупые ногти впились в нежную кожу. Боль была настоящей. Я провела рукой по лицу,

по шее, по плечам. Кожа была как шёлк. Волосы... я схватила прядь. Длинные, до пояса, и невероятно густые. Я никогда в жизни не отращивала такие. Мне всегда было удобнее с короткой стрижкой до плеч, чтобы можно было быстро убрать в хвост.

«Зеркало. Мне нужно зеркало».

Я отбросила тяжёлое одеяло и спустила ноги с кровати. Пол был холодным. В дальнем углу комнаты, в массивной золочёной раме, стояло овальное зеркало. Я, пошатываясь, как пьяная, побрела к нему, цепляясь за спинку стула, чтобы не упасть.

И вот я перед ним. Закрыв глаза, я сделала последний глубокий вдох и подняла веки.

В отражении на меня смотрелась незнакомка. Златовласая, как с обложки глянцевого журнала. Лицо – идеальный овал, с высокими скулами, прямым носом и большими, широко распахнутыми глазами цвета весеннего неба. Губы, полные и розовые, были приоткрыты в беззвучном вопросе. Миниатюрная, хрупкая, как фарфоровая статуэтка. В моём мире такая девушка точно была бы супермоделью или известной дивой с миллионами подписчиков.

«Нет, – прошептало отражение моим новым, чужим голосом. – Это не я».

Я снова зажмурилась, изо всех сил пытаюсь вытеснить этот образ, вернуть своё привычное отражение – карие глаза, русые волосы, собранные в небрежный хвост, и вечную

усталость на лице менеджера среднего звена.

«Проснись. ПРОСНИСЬ!»

В отчаянии я отшатнулась от зеркала и с размаху угодила мизинцем ноги в резную ножку пуфика, стоявшего рядом.

«Ай! Чёрт!»

Боль, острая и самая что ни на есть реальная, пронзила ногу. Я запрыгала на одной ноге, схватившись за травмированную ступню. Никакой сон не мог быть настолько болезненным.

В этот момент дверь в спальню распахнулась.

В комнату вошли две девушки в одинаковых простых платьях и белых фартуках. Одна, постарше, несла серебряный кувшин, младшая – сложенное полотенце.

– Доброе утро, милы Азалия, – прозвучал тихий, почти-тельный голос. – Мы принесли вам воды для умывания.

Мили? Азалия? Мой мозг, отказывающийся работать, безнадёжно буксовал на этих словах.

Я, всё ещё сжавшись от боли, уставилась на них.

Старшая служанка, встретив мой растерянный взгляд, вежливо, но без особой теплоты, добавила:

– Ваш муж, генерал Райден, ждёт вас в столовой к завтраку. Он просил не задерживаться.

Служанки принялись за дело. Они орудовали вокруг меня, как молчаливые автоматы: помогли надеть невероятно сложное нижнее бельё, затем тяжёлое бархатное платье цве-

та тёмного ультрамарина, которое шуршало при каждом движении. Они ловко застегнули на моей спине бесчисленные крошечные пуговицы, заплели волосы в тугую, неудобную причёску, стягивающую кожу на висках.

Я стояла, как манекен, позволяя им себя преобразовать, пока мой мозг лихорадочно пытался найти хоть какую-то точку опоры в этом безумии. *Азалия*. Меня зовут Азалия. И у меня есть муж. Генерал Райден.

Когда они закончили, я почувствовала себя, словно меня запечатали в глухую броню. Платье было тяжёлым, запах духов – чужим и приторным.

– Мили Азалия, генерал ждёт, – снова напомнила служанка постарше.

Практичность, выработанная годами управления проектами и срочными дедлайнами, медленно, но верно начала пробиваться сквозь панику. Паника не поможет. Нужно собраться. Нужно оценить обстановку.

– Девочки, а куда идти? Где столовая?

Они замерли на секунду, удивлённо переглянулись. Взгляд девочки постарше скользнул по мне, будто проверяя, не шучу ли я, а затем она неуверенно указала пальцем налево, в конец длинного коридора.

– Вторая дверь направо, мили Азалия.

Я кивнула, стараясь выглядеть максимально уверенно.

– Спасибо.

Сделав глубокий вдох, я вышла из комнаты в прохладный, слабоосвещённый коридор. Каменные стены, гобелены, изображающие мрачные батальные сцены, где полчища золотых драконов дрались против чёрных драконов.

Воздух был пропитан стариной, воском и влажным камнем.

Так, Катя, успокойся, – мысленно скомандовала я себе, сжимая холодные пальцы в кулаки. – Не терялась на работе, когда клиенты в последнюю минуту меняли ТЗ, и тут не потеряешься. Никакой паники. Собраться и пора увидеть, что там за «муж».

Вторая дверь направо была приоткрыта. Я замерла на пороге, на секунду задерживая неизбежное.

Столовая была такой же огромной и мрачной, как и спальня. Длинный дубовый стол, за которым могли бы с комфортом разместиться двадцать человек, был накрыт лишь на одном конце. И за ним сидел он.

Плечистый, широкий мужчина в строгом мундире темно-коричневого цвета. Его поза была напряжённой, даже сидя он излучал мощь и власть. Чёрные волосы были рассыпаны по плечам, лицо – с резкими, жёсткими чертами, будто высеченными из гранита. Он не ел, а лишь держал в руке массивную серебряную кружку, и его взгляд был устремлён на меня.

И этот взгляд... это был не просто холод или безразли-

чие. Это было неподдельное презрение, смешанное с таким глубоким раздражением, будто моё присутствие оскверняло воздух, которым он дышал. Его глаза, серые, как зимнее небо перед бурей, обжигали меня ледяным огнём.

Сердце ушло в пятки, но я не отвела взгляда. Внутри всё сжалось в комок страха, но годы практики научили меня главному – никогда не показывать слабость оппоненту.

Так вот, ты какой, муж мой, – пронеслось в голове.

Глава 2

Я сделала шаг вперёд, заставив ноги двигаться, хотя всё внутри кричало, чтобы я развернулась и сбежала. Моё новое, неудобное платье шелестело по каменному полу, и этот звук казался невероятно громким в звенящей тишине.

– Доброе утро, – выдавила я, подбирая нейтральный, вежливый тон, каким обычно говорила с капризными клиентами. Мой новый голос прозвучал неуверенно, но я выпрямила спину.

Его взгляд, тяжёлый и оценивающий, скользнул по мне с головы до ног. Он медленно поставил кружку на стол.

– Вы сегодня необычно словоохотливы, Азалия, – его голос был низким, хрипловатым, будто отполированный наждачкой. В нём не было ни капли тепла. – И, как всегда, непозволительно медлительны. Садитесь.

Ну что ж, хорошее начало. Значит, оригинальная хозяйка тела была молчуньей и, видимо, вечно всех раздражала.

Я молча подошла к противоположному концу стола и опустилась на стул. Расстояние между нами было таким, что мы могли бы общаться только через записки.

На столе передо мной стояла тарелка с чем-то, напоминающим пресную овсяную кашу и кусок тёмного хлеба. Ничего аппетитного. Я взяла серебряную ложку и сделала вид, что ем, хотя комок в горле и затянутый корсет не давали проглотить ни крошки.

Господи, как в этом вообще ходят?

Наступила тягостная пауза. Мне нужно было что-то сказать. Что-то простое, что не выдаст моего неведения, но позволит хоть что-то узнать.

– Погода сегодня... не располагает к прогулкам, – произнесла я, глядя в окно, за которым моросил противный серый дождь. Безопасная, банальная тема.

Райден фыркнул, звук был похож на короткий рык.

– В Приграничье погода никогда ни к чему не располагает. Кроме как к работе и дисциплине. Вы это должны были усвоить за год жизни здесь.

Приграничье. Я ловила каждое слово. Значит, мы не в столице. Мы на окраине, в суровом краю. Это объясняло мрачность замка. И... год? Я здесь уже целый год? И замужем год?

– Да, конечно, – поспешно сказала я. – Просто... иногда кажется, что этот дождь никогда не закончится. Давно уже... не было солнечных дней.

Он посмотрел на меня с интересом.

– Вы что, тоскуете по садам Алэрии? По своему знатному гнёздышку? – в его голосе зазвучала ядовитая насмешка. – Напоминаю, этот брак был ценой за спасение репутации вашего рода. Вы здесь, потому что ваш отец оказался в долгах, а я... потому что мне нужен был пропуск в высший свет. – Он отхлебнул из кружки. – Пропуск, который, как я теперь понимаю, оказался фальшивым.

Алэрия. Видимо, место, где жила её семья. Отец в долгах. Брак по расчёту, причём неудачный для обеих сторон. Информация укладывалась в голове, как пазл, вызывая тошноту.

Я решила рискнуть и слегка сменить тему, намекнув на его последние слова.

– Фальшивым? – я сделала наивное лицо. – Но разве не всё идёт... как положено? Я ведь исполняю свои обязанности.

– Не стройте из себя идиотку, – отрезал он резко, и его глаза вспыхнули холодным огнём. – Ты прекрасно знаешь, о чём я. Я так и остался бронзовым. Ваша кровь, кровь древних магов, оказалась бесполезной. Меня обманули. А ты... ты просто пустышка. Никчёмное, никому не нужное отребье, которое сплавляли подальше от дома. И твой отец поплатится за свой обман.

Боже правый. Я ничего не понимала из сказанного. Поче-

му он «бронзовый»? Это прозвище? Ранг? И при чём здесь я и моя кровь?

Каждая его фраза запутывала меня сильнее. Нужно было отступить, перевести дух и собрать информацию, не выдавая своего полного невежества. Интуиция подсказывала, что рассказ о том, что я случайно попала в тело его жены, ни к чему хорошему не приведёт.

– Я... не строю из себя никого, – тихо сказала я, опуская взгляд в тарелку. Это была чистая правда. – Просто... иногда всё кажется таким запутанным.

Он издал короткий, сухой смешок.

– Запутанным? – откинулся на спинку стула, и его тень на каменной стене стала ещё больше. – Что может быть запутанного? Сделка есть сделка. Твоя семья получила защиту от кредиторов, ты получила безбедную жизнь и моё имя, пусть и «бронзовое». А я... – он замолчал, и его скулы напряглись. – Я получил красивую куклу с громкой фамилией, которая оказалась пустышкой. Всё очень просто.

Куклу. Пустышку. Слова жгли, но я заставила себя их проглотить. Значит, он ждал от этого брака чего-то конкретного, какого-то усиления, и не получил. И винил в этом «пустышку» – то есть меня.

И почему называл меня я пустышкой? Первая мысль была о ребёнке. Может, прежняя хозяйка этого тела не смогла забеременеть и родить ему наследника?

– Итак, судя по всему, вы не в себе, – прервал он поток

моих мыслей. – В Приграничье итак опасно: дикие звери, бандиты, остатки повстанческих отрядов. Мне ещё не хватало нянчиться с безумной женой. Золотые драконы не за это платят мне жалованье? – В его голосе зазвучала знакомая горечь, когда он произнёс «золотые драконы». Это явно была болезненная тема. – Они платят за то, чтобы кто-то вроде меня пачкал когти в грязи на их границах.

Золотые драконы. Это должна быть высшая каста, а он, выходит, из низшей – бронзовой. Социальный лифт, который застрял. Понятно. Но при чём тут я?

– Но... вы же справляетесь, – рискнула я сделать осторожный комплимент, чтобы разговорить его. Любой мужчина, даже такой свирепый, должен быть немного тщеславным. – Иначе вас бы здесь не держали.

Он внимательно посмотрел на меня, его серые глаза сузились.

– Ты сегодня очень странная. То ностальгируешь по солнцу, то интересуешься службой.

В его тоне не было заботы, только подозрение. Я почувствовала, как по спине пробежали мурашки.

– Немного голова болит, – быстро соврала я, поднося руку к виску. – С утра... кружится. Наверное, от духоты.

– Тогда иди в свои покои и займись делом, – отрезал он вставая. Его фигура, высокая и мощная, заслонила свет от окна. Он подошёл к камину, и я невольно отметила, как лег-

ко он двигался, словно крупный хищник – плавно и молчаливо. Было в нём что-то от природы зверя, необъяснимое и пугающее. Какая-то первозданная, грубая сила, не скрытая полностью даже под мундиром.

Он взял со столика у камина пару перчаток со стальными пластинами на костяшках пальцев.

– Райден... – я хотела уточнить, насколько он уезжает.

Он резко обернулся, и в его взгляде вспыхнула искра настоящего гнева.

– *Генерал*, – поправил он меня. – Ты будешь обращаться ко мне «генерал». Понятно?

Я кивнула сглотнув. Сердце бешено колотилось.

– А ещё лучше будет, если ты соберёшь свои вещи и отправишься в «Чёрный вереск», чтобы тебя здесь не было, когда я вернусь. Тебе ясно?

– Да, генерал, – кивнула я, хотя мне ничего не было ясно.

Глава 3

Я сидела, пока звук его шагов не затих в коридоре. Ком в горле медленно рассасывался, сменяясь леденящим спокойствием. Паника – роскошь, которую я не могла себе позволить. Мне нужны были факты. Нужно было понять, кем была эта женщина, в чьём теле я оказалась, и что это за мир, где браки заключаются ради «крови», а мужья говорят о драконах как о чём-то обыденном.

Словно сама судьба толкала меня вперёд, из столовой я

вышла не в свои покои, а повернула в противоположную сторону, туда, откуда доносились запахи еды и приглушённые голоса. Меня неудержимо тянуло на кухню. К людям. К жизни.

Кухня оказалась огромным, душным помещением с низкими сводчатыми потолками, почерневшими от копоти веков. Громадный очаг, в котором можно было бы зажарить целого кабана, пылал в центре, отбрасывая жаркие волны на окружающих. Медные кастрюли и котлы, поблёскивая, висели на крючьях вдоль стен, заставленных массивными дубовыми столами, иссечёнными ножами. Воздух был густым и плотным – пар от кипящих бульонов, сладковатый дух свежеиспечённого хлеба, острый аромат копчёностей и трав.

И в центре этого царства стояла она – женщина-гора, с лицом, красным от жара, и руками, которые, казалось, могли замесить тесто и задушить медведя с равным успехом. Увидев меня, она замерла с поварёшкой в руке, её брови поползли вверх.

– Мили Азалия? – её голос пророкотал, как гром среди внезапно наступившей тишины. Прочие служанки и повара та засуетились, стараясь делать вид, что не смотрят. – Что случилось? Генерал... он не...?

Я покачала головой, пытаюсь изобразить усталость.

– Нет, всё в порядке. Он уехал. А я просто... не могу оставаться в своих комнатах. Можно я посижу тут?

Кухарка, которую все звали тётя Мирта, прищурила свои умные, как у старого ворона, глаза. Её взгляд скользнул по мне, по моей осанке, по тому, как я держала голову, и в её глазах мелькнуло подозрение.

– Конечно, мили, – сказала она наконец, кивнув на скамью в углу. – Места хватит.

Я присела, с наслаждением чувствуя простую грубость дерева под ладонями после холодного резного стола в столовой. Мирта что-то буркнула помощникам, и те снова засуетились, но я чувствовала – всё её внимание было приковано ко мне.

– Не припомню, чтобы вы раньше жаловали кухню своим присутствием, – заметила она, помешивая что-то в котле.

Я мягко вздохнула, глядя на пламя в очаге.

– Всё меняется, тётя Мирта. Наверное, и мне пора. После того как генерал... сообщил мне о своём решении.

Она бросила на меня быстрый взгляд.

– Решении?

– Он сказал собирать вещи. Что я уезжаю в... «Чёрный Вереск», – я произнесла это название осторожно, как бы наблюдая за её реакцией.

На лице кухарки промелькнуло что-то похожее на жалость, но она тут же нахмурилась.

– Эх... Ну, что ж, там тихо будет. Воздух получше, чем в этой каменной коробке. И солнца больше, а то вы тут совсем зачахли.

Тишина. Я сделала следующую осторожную попытку.

– Да, наверное... Просто я почти ничего о нём не знаю. Генерал так мало рассказывает. Скажите, а что это вообще за место? Поместье? Деревня?

Мирта на мгновение перестала мешать, её взгляд стал тяжёлым и изучающим. Она смотрела на меня так, будто видела перед собой не милая Азалию, а интересную, но подозрительную личность.

– Поместье, – медленно ответила она. – Маленькое, заброшенное. Родовое гнездо генерала, вам ли не знать про своего мужа. Он ведь из серых драконов свой путь начинал. А как получил перевоплощение в бронзового, так забросил его. Теперь, видно, решил вас туда спихнуть. – Она сделала паузу. – Странно, что он вам раньше о нём не рассказывал. Вы же, кажись, изучали историю его рода перед свадьбой.

Чёрт! Надо полагать, что старая Азалия знала всё про мужа. Я мягко отступила.

– Наверное, забылось. Столько всего было... А люди там какие? Есть, кто управляет? Или там совсем одни развалины?

Я смотрела на неё, стараясь дышать ровно, но под пристальным взглядом тёти Мирты я чувствовала себя шпионом

на вражеской территории.

– Люди? – наконец проронила она, снова принимаясь мешать варево в котле, но её внимание оставалось прикованным ко мне. – А какие в глуши люди-то бывают? Кто пошустрее – в город подались, на заработки. Остались старики да те, кому деваться некуда. Приказчиком там старый Горик болтается, пьяница, но руки золотые, если пойло не давать глушить. Да пара семейств, что землю обрабатывают.

Она умолкла. Я кивнула, стараясь выглядеть заинтересованной, но не слишком удивлённой.

– А земля... а она там плохая? – спросила я, подбирая слова. Вопрос был вроде безопасным, позволял копнуть глубже.

Мирта фыркнула, и по её лицу скользнула тень чего-то, похожего на презрение, но не ко мне, а к ситуации.

– Земля, детка, как и люди – какое к ней отношение, такой и ответ. Генерал... – она осеклась и поправилась, – как забросил поместье, оно и захирело. Почва глина, камня много, дренаж плохой. Но при желании...

Она вдруг резко повернулась ко мне, и её глаза снова сузились.

– Вы ж сами из знатного рода, мили. В Алэрии-то у вас сады какие были, говорят, диковинные. Небось, все эти премудрости с растениями вам с молоком матери передались.

Я опустила глаза, делая вид, что вспоминаю. Внутри всё замерло. Нужно было найти нейтральный, уклончивый от-

вет.

неожиданно перед глазами замелькали картины из прошлого, но не моего.

Красивый замок, внутренний двор, засаженный цветами, а передо мной красивая женщина, очень похожая на Азалию, только старше. Она улыбалась, держа бутон пиона в руках.

Смотри Азалия, любое растение любит ласку, как и человек, – сказала она, погладив лепестки цветка, и из-под её пальцев, появилось едва заметное красное свечение.

Я чётко чувствовала, что это была мать Азалии. И от неё веяло добром и любовью, так сильно, что по телу пробежала мелкая дрожь.

Следующая картинка была менее миролюбивой и уютной. Надо мной нависал мужчина с длинным носом и огромными бакенбардами.

– Вытяни руку, Аза, – грубо приказал он. Девочка подчинилась, она очень боялась короткой плети в его руках, которая уже успела оставить след на маленькой руке. – Ты должна забыть про эти цветочки, мне нужна настоящая сила. Подними стул. Заставь его подняться в воздух.

Я чувствовала, как Азалия боялась его, как её парализовал страх. Неожиданно видения закончились.

Мне пришлось закрыть глаза, чтобы отдышаться и сосредоточиться, очистить голову от той боли и страха и ответить.

– В Алэрии... многое было по-другому, – тихо ответила

я. – Садом занималась мама. Но отец он...ему не нравилось мамино занятие.

Мирта что-то пробормотала себе под нос, и я уловила обрывки: «...старый дурак... ребёнка сломать...»

Потом она громко хлопнула ложкой о край котла.

– Ну, так-то – в Алэрии! А в Чёрном Вереске своя правда будет. Там всё от вас зависеть будет...– Она недоговорила, снова уставившись на меня. – Вы, милы, на себя сегодня непохожи. Словно вас кто-то... подменил. Не хотите ничего мне рассказать?

Глава 4

Я сидела, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Видения были такими яркими, такими реальными... Боль, страх, а потом та удивительная теплота от прикосновения матери. Это было не просто воспоминание – это было наследие. И теперь эта пронизательная женщина держала в руках ниточку, ведущую к самой сути мой тайны.

– Подменили...– прошептала я.

Что-то внутри – тихий, едва уловимый шёпот, похожий на эхо, – подсказывало: *ей можно доверять. Она знала маму. Она видела, что со мной... с ней... делали.*

Я подняла взгляд на тётю Мирту. Её лицо было непроницаемым, но в глазах, глубоких и умных, не было ни насмешки, ни ужаса. Была лишь готовность выслушать. Отри-

цать было бесполезно. Но и выложить всю правду – безумие. Оставался лишь рискованный полунамёк, шаг в пропасть, сделанный с верой в ту искру доверия, что теплилась во мне.

– А что, если так и есть? – тихо спросила я. – Что, если та девушка... та, что всего боялась... её больше нет? Её сломали. Окончательно. – Я сделала паузу, давая ей осознать смысл. – А на её месте... появилась я.

Я не отводила взгляда, продолжая смотреть тёте Мирте в глаза.

Мирта замерла. Её широкое лицо оставалось каменным, но в глазах я видела искреннюю заботу. Она медленно опустила поварёшку, вытерла руки о заляпанный фартук и тяжело опустилась на скамью напротив.

– Говорите прямее, мили, – сказала она. – Мои старые кости чувствуют, что дело не в приступе хандры. Генерал... он человек суровый. И если он заподозрит... – Она не стала договаривать, но её взгляд, полный безжалостной правды, закончил мысль: *...вас не спасёт ни знатное имя, ни что бы то ни было ещё.*

Я глубоко вздохнула, собираясь с мыслями.

– Тётя Мирта, – начала я, тщательно подбирая слова. – Вы правы. Я не та, кем была вчера. Я не знаю, что произошло с хозяйкой тела, может, она умерла. От страха, от отчаяния... неважно. А я... я просто хочу жить. Но я совершенно ничего не понимаю в вашем мире.

Мирта долго смотрела на меня, её взгляд скользил по мо-

ему лицу, будто решая верить мне, или нет.

– Тогда кто ты? – спросила она шёпотом. Я придвинулась ближе и так же шёпотом ответила.

– Я из другого мира, даже, может, из будущего. И я совершенно не понимаю, как я попала сюда.

Я выдохнула, не осознавая, что затаила дыхание в ожидании её реакции. Признаться в таком... это могло обернуться чем угодно – от обвинения в безумии до костра. Но тётя Мирта не отшатнулась. Её умные, проницательные глаза лишь прищурились, будто она проверяла мои слова на истинность.

Казалось, прошла вечность, пока она медленно кивнула. Принимая невероятный факт, как принимают внезапно налетевший шторм или заморозки посреди лета.

– Ладно, – прошептала она. – Значит, так. Слушай и запоминай.

Она оглянулась, убедилась, что никого поблизости нет, и наклонилась ко мне через стол.

– Собирай вещи. Только самое необходимое, ничего лишнего, чтобы не вызывать лишних вопросов. Карета будет готова через два часа. Я позабочусь, чтобы кучером был мой племянник, Элиас. Ему можно доверять. По дороге в Вереск я тебе всё расскажу. Что знаю.

Она откинулась назад, её лицо снова стало привычно-суровым.

– А сейчас, мили Азалия, – сказала она уже громко, вста-

вая, – вам бы отдохнуть перед дорогой. Долгая поездка предстоит. Я распоряжусь насчёт провизии.

Её взгляд, брошенный на меня поверх котла, говорил: *Не подведи.*

Я поднялась со скамьи, ноги были ватными, но внутри впервые за этот бесконечное утро появилось хоть какое-то понимание, что делать дальше. Теперь у нас был план. Пусть этот план пока заключался лишь в том, чтобы сесть в карету и слушать. Но это было куда лучше, чем метаться в панике по лабиринтам чужой жизни.

– Спасибо, тётя Мирта, – сказала я с благодарностью.

– Не благодари раньше времени, детка, – буркнула она, снова хватаясь за поварёшку. – Дорога в Чёрный Вереск – не прогулка по садам Алэрии. Тебе ещё предстоит узнать, в какую историю ты попала. А история эта, скажу я тебе, пахнет не только землёй, но и кровью, и изменой. Теперь марш собираться!

Её последние слова повисли в воздухе, зловещим эхом отозвавшись у меня в душе. *Кровь и измена.* Что ж, посмотрим. В своём мире я научилась разбираться не с самыми приятными историями. Похоже, здесь навыки менеджера проектов и кризис-менеджера придётся применять в самом буквальном смысле.

Я вышла с кухни, и каменные стены коридора уже не казались такими враждебными.

Мне нужно было собрать вещи. Хотя я даже не представ-

ляла, что собирать и какие вещи мои. Служанки девочки, скорее всего, знают.

Я не заметила проходившую мимо меня девушку, пока не почувствовала удар в плечо. Удар был не сильным, но нарочитым, с откровенной дерзостью. Я отшатнулась, потирая ушибленное место, и встретила взглядом с высокой рыжеволосой девушкой. Она смотрела на меня с высокомерным презрением. Это была непростая служанка – её платье было слишком дорогим, поза слишком уверенной.

– Аза, что ты натыкаешься на всех? Опять тебя шатает? Убогая, – сладко пропела она. – Когда ты уже подохнешь?

Внутри всё сжалось в тугой, холодный комок. Гнев. Чистый гнев, который я давно не позволяла себе чувствовать. Я выпрямилась во весь свой небольшой рост, пытаюсь смотреть свысока, несмотря на разницу.

– А ты кто такая? – спросила я спокойно, почти лениво, поднимая бровь.

Рыжая фыркнула, её красивые черты исказила гримаса раздражения.

– Ой, у тебя с памятью проблемы? Я всё та же милая Агнета Грозанская. Любимая женщина генерала. Разве вы забыли, что ваш муж предпочитает проводить ночи в моей постели, а не в вашей?

Свинство, окружившее моего «любимого» супруга, становилось всё отвратительнее. Я окинула её медленным, оцени-

вающим взглядом, полным такого ледяного презрения, что её ухмылка на мгновение сползла с лица.

– А, значит, это ты и есть его подстилка, – произнесла я ровным тоном. – Теперь придётся снова ванну принять. Не люблю запах грязной швали, которая ноги перед всеми раздвигает.

Щёки Агнеты зажглись багровым румянцем. Она даже сделала два резких шага вперёд, сжимая кулаки, и мне на секунду показалось, что эта разъярённая кошка действительно кинется в драку. Но я не дрогнула, не отступила. Я просто стояла и смотрела на неё, и, видимо, что-то в моём новом, бесстрастном выражении лица заставило её остановиться. Она вспомнила, чем может обернуться нападение на жену генерала, пусть и нелюбимую.

Она отступила, но её шёпот был полон ненависти.

– Тебе осталось недолго находиться здесь, ты лживая лгунья! Генерал вышлет тебя из поместья, и ты больше никогда сюда не вернёшься! Я займу твоё место!

Я позволила себе лёгкую, скучающую улыбку.

– Сомневаюсь. Такие подстилки, как ты, остаются подстилками. Если бы генерал хотел жениться на тебе, то давно бы это сделал. Так что смирись со своей участью, а то ядом подавишься от зависти.

Не дав ей возможности ответить, я развернулась и пошла

прочь, чувствуя, как её ненавидящий взгляд прожигает мне спину. Дрожь в ногах куда-то исчезла. Вместо неё появилась стальная решимость.

Значит, вот каким «замечательным» мужем был генерал, — думала я, заходя в свою комнату и захлопывая дверь. — Трахал других, а жену свою избегал и ненавидел. Вот урод!

Я подошла к окну, глядя на мрачные башни крепости. Если бы не вероятность, что меня могут сжечь или казнить, я бы точно встретила его с чугунной сковородой в его же спальне. У Мирты на кухне я заметила парочку неплохих экземпляров.

Глава 5

Дверь кареты захлопнулась, отсекая меня от мрачного замка и его обитателей. Словно тяжёлая завеса упала, оставив позади унижения и страх неизвестности. Теперь было только покачивание на рессорах, стук копыт и тётя Мирта напротив, её невозмутимое лицо, освещённое мерцающим светом фонаря.

Вещи были собраны с поразительной скоростью. Девочки-служанки, привыкшие к капризам знатной дамы, пытались впихнуть в карету полгардероба, но я твёрдо остановила их.

— Только самое необходимое.

Мне не нужны были бальные платья в заброшенном поместье. Я взяла несколько простых, тёмных платьев, в кото-

рых можно работать, и одно нарядное – на всякий случай, как дань непредсказуемости этого мира. От услуг горничных тоже отказалась. Лучше нанять кого-то на месте, кто знает местные порядки, чем тащить за собой испуганных девчонок из крепости.

Карета тронулась, и я откинулась на спинку сиденья, глядя на удаляющиеся башни.

– Спасибо, что поехали со мной, – тихо сказала я, обращаясь к Мирте.

Та фыркнула, но в углах её глаз собрались добрые морщинки.

– Ну а как ещё, мили? Не бросить же вас одну в этой глухомани. Загнётесь ведь в первый же месяц. Вы ж и печку-то, поди, сами растопить не умеете. И прикрикнуть ни на кого не сможете.

– Вы меня недооцениваете, – парировала я с лёгкой улыбкой. – Но всё равно спасибо.

Я посмотрела в окно, где за стеклом проплывали унылые, покрытые редким лесом холмы. Пора. Пора перестать быть слепым котёнком.

– А теперь, тётя Мирта, – повернулась я к ней, отрывая взгляд от мелькающих за окном деревьев, и мой голос приобрёл тот самый деловой тон, что выручал меня на бесчисленных совещаниях. – Расскажите мне всё, что я должна знать

об этом мире. Всё, что может помочь мне выжить. Начните с самого главного. С драконов.

Мирта вздохнула, её грузная фигура плавно покачнулась в такт мерному стуку колёс.

– Ну, слушай. Мир наш, детка, стоит на трёх драконах, и ни один без другого не держится: драконы, магия и знать. И всё это – звенья одной цепи, что душит одних и возносит других.

Она сделала паузу, собираясь с мыслями, её взгляд ушёл куда-то вглубь, в прошлое, полное виденного и пережитого.

– Драконы. Запомни раз и навсегда: они не звери. Не питомцы, которых можно приручить и на цепь посадить. Они – оружие. Живое, дышащее, думающее. И судьба. Каждый воин из касты драконов с рождения связан со своим зверем. Это не просто боевой товарищ, это... продолжение. Сперва связь слабая, как намёк, а потом, после обряда Посвящения... – она покачала головой, – они становятся почти единым целым. Чувствуют боль друг друга, радость, ярость. Разделяют мысли. Генерал... Райден... его дракона зовут Агат. Мощный, один из сильнейших, с кожей цвета потускневшей бронзы и характером, что и не снился самому чёрту.

Я кивнула, вспоминая его гневные слова в столовой, этот ледяной огонь в его глазах, когда он говорил о своём статусе.

– Иерархия, – продолжила Мирта, – всё решает. От неё не уйти. Высшие – золотые, серебряные, изумрудные, сапфировые. Им принадлежит власть, земли, богатства. Они правят из своей позолоченной Алэрии, издавая указы и плюя на тех, кто внизу. Средние – бронзовые, медные, оловянные. Это костяк армии, чиновники, управители. Их уважают, но с опаской. Низшие – серые, их ещё «грязными» называют. Это чернорабочие, землевладельцы. Их драконы... – она махнула рукой, – больше похожи на воловых ящеров, чем на величественных змеев. Они пашут землю, часто и летать-то не могут как следует.

– А Райден? – уточнила я, уже догадываясь об ответе.

– Он родился серым, – тётя Мирта выдохнула, и в её голосе прозвучало нечто похожее на уважение. – Где-то в трущобах, где драконов держат в ямах, а дети с пелёнок знают вкус голода. Но он... выжил. Прошёл обряд Посвящения, что и не каждому знатному по силам. Умом и свирепостью вырвал у судьбы звание бронзового. Это невиданное дело. За это его и ненавидят высшие – он выскочка, плебей, испачкавший их чистую кровь. А низшие... для них он предатель, ушедший от своих, отринувший корни. Он вечно между двух огней.

Становилось понятнее. Его ярость, его одержимость статусом... Он не просто делал карьеру. Он вёл ежедневную войну за своё право на место под этим чужим солнцем, постоянно доказывая, что он чего-то стоит.

– А брак со мной? – спросила я, чувствуя, как в горле снова встаёт неприятный комок. – Что он должен был дать *ему*? Кроме связи со знатным родом.

– Легенду, детка, – Мирта усмехнулась, но в её глазах не было веселья. – Твой род – один из древнейших магических. Хоть и обедневший до нитки к моменту твоего замужества. Ходили слухи, что ваша кровь... обладает особым свойством. Усиливает. Что брак с истинной наследницей твоего рода может помочь дракону переродиться, подняться на ступень выше. Он ждал, что Агат станет золотым. Что он, Райден, наконец-то получит то, что заслужил. Ведь так и произошло с твоим отцом. После брака с твоей матерью он стал сильнее. Но у Райдена не получилось. Агат остался прежним. И теперь он уверен, что твой отец его обманул, подсунув «пустышку» – тебя, в ком магия не проснулась.

Вот оно. Корень его ненависти, его презрения. Я была не человеком, не женой. Я была бракованным ключом, который не смог открыть дверь к его заветной мечте.

– А магия? – перевела я разговор, чувствуя, как в груди шевельнулось что-то тёплое и трепетное при воспоминании о видении матери, о её ласковых руках и алом свечении. – Вы сказали, мой род магический. Какая она?

– Магия... – Мирта помолчала, её взгляд стал отрешённым. – Она разная, детка. Как и люди. Есть грубая, боевая – она очень ценится. Каждый дракон мечтает, чтобы его на-

следники обладали такой магией. Сила, что ломает, разрушает, подчиняет. А есть... другая. Древняя, тихая. Как у твоей матери. Про неё мало кто помнит, а кто помнит – предпочитают не вспоминать. Её называют по-разному. «Искра жизни». «Алая нить». Говорят, она связана с самой сутью живого.

Алая Лента, – пронеслось у меня в голове, и это слово отозвалось странным эхом внутри меня, будто кто-то коснулся струны, что дремала во мне до этого момента.

– Отец презирал магию матери, – тихо сказала я, больше утверждая, чем спрашивая. Воспоминания-вспышки были слишком яркими, слишком болезненными.

– Он считал её слабой, бесполезной в бою, женской причудой, – кивнула Мирта, и в её голосе прозвучала давняя обида за ту, кого она, видимо, знала и уважала. – А она... она могла заставить цвести мёртвую ветку, исцелить лихорадку у ребёнка одним прикосновением, успокоить взбешённого пса. Её сад в Алэрии был восьмым чудом света. Но для таких, как он, для воинов и политиков... это была не магия. Безделица.

Карета резко подпрыгнула на ухабе, вырвав меня из потока мыслей. Я на мгновение зажмурилась, пытаюсь уложить в голову этот обрушившийся на меня поток информации. Драконы, жёсткая кастовая система, политические интриги, два вида магии... Это было словно сложный пазл, и требовалось время, чтобы собрать всё воедино.

– И в центре всего этого – я, – прошептала я, глядя на свои

тонкие, чужие руки. Руки, которые вчера листали отчёты и держали кофе, а сегодня... а сегодня, возможно, хранили силу, способную исцелять или уничтожать. – Незнакомка в теле «пустышки».

– Именно так, – твёрдо сказала Мирта, и её взгляд снова стал острым и цепким. – И «Чёрный Вереск» – твой единственный шанс. Пока генерал воюет на границах, пока двор занят подковёрными играми... ты можешь найти там себя. Разобраться в этом хаосе. Или сгинуть без следа. Выбор, детка, за тобой.

Я посмотрела в запотевшее окно, где между голых ветвей деревьев уже проглядывали первые тусклые огоньки какого-то поселения. Впереди ждала неизвестность. Зброшенное поместье, чужие земли, враждебно настроенные слуги.

– Но выбора у меня и нет, – тихо ответила я. – Но теперь... теперь я хотя бы начинаю понимать правила этой безумной игры. И первое правило – выжить любой ценой.

– Так и есть, – кивнула Мирта. – Всё теперь зависит только от вас.

Глава 6

Два дня тряски в карете. Короткие ночлеги в придорожных постоялых дворах, где пахло кислым пивом и влажной соломой, и бесконечные разговоры с Миртой. К концу второго дня я уже знала о мире едва ли не больше, чем о своей прошлой жизни. Я уже могла перечислить всех влиятельных

герцогов как Аэлери, так и Знания ложились в сознание тяжёлыми, неудобными пластами, но они давали опору. Я перестала быть слепцом.

И вот карета, наконец, закрипела колёсами, замедляя ход, и затем остановилась. Элиас, племянник Мирты, отворил дверцу.

– Приехали, мили. Чёрный Вереск.

Я вышла. И застыла на месте.

Поместье... это слово вызывало образы если не роскоши, то хотя бы ухоженного достатка. Того, что я видела в исторических фильмах. То, что открылось моим глазам, было похоже на декорацию к фильму ужасов.

«Чёрный Вереск» представлял собой не столько усадьбу, сколько мрачную, двухэтажную каменную громаду, вросшую в землю. Стены, сложенные из тёмного, почти чёрного камня, местами поросли влажным мхом. Кривые ставни на некоторых окнах висели на одной петле, словно выбитые глазницы. Черепичная крыша просела, угрожающе нависая над входом. Вокруг расстилались заболоченные поля, уходящие к подножию покрытых лесом холмов. Воздух был влажным, холодным и пахло прелыми листьями и стоячей водой. Само название «Чёрный Вереск» внезапно обрело зловещий, буквальный смысл.

– Ну, добро пожаловать домой, мили, – раздался рядом голос Мирты. В её тоне не было ни насмешки, ни сочувствия. Констатация факта.

Я глубоко вздохнула, подставляя лицо сырому ветру. Страх и отчаяние попытались поднять голову, но я их грубо отшвырнула. *Нет. Ты не та, кем была. Ты руководитель. А это – твой новый проект. Сложный. Безнадёжный. Но твой.*

– Пойдёмте, – сказала я твёрдо и первая направилась к тяжёлой дубовой двери.

Внутри пахло пылью, старой древесиной и затхлостью. Не разруха, нет. Разруха – это когда всё разломано. Здесь же был запущенный, мрачный порядок. Каменные полы в прихожей были чисто подметены, но в углах лежали комья пыли. Масивная дубовая лестница вела на второй этаж, её резные перила были липкими от многолетних наслоений. Гобелены на стенах выцвели и покрылись плесенью. В воздухе висела тяжёлая, гнетущая тишина.

Мои шаги гулко отдавались в пустоте. Из тени зала на встречу вышли две фигуры. Пожилой мужчина, сухой и жилистый, как корень, с лицом, испещрённым морщинами, и женщина лет шестидесяти, в тёмном платье и белом чепце, с ключами у пояса. Их позы выражали не радушие, а насто-роженную покорность.

– Мили Азалия, – старик скрипуче поклонился. – Я Дарст, управитель. А это – экономка, Мэри. Мы извещены о вашем приезде.

Я кивнула, окидывая их оценивающим взглядом. Горик. Похож на любителя выпить. Мэри – строгая на вид женщина,

в глазах которой читалась усталость и отсутствие надежды. Унылая картина.

– Дарст. Мэри, – поздоровалась я, без улыбки. – Покажите мне мои покои.

Марта молча кивнула и повела меня наверх. Комната, отведённая мне, была такой же мрачной, как и всё остальное: огромная, с камином, в котором не топили, видимо, много лет, и массивной кроватью под балдахином. Всё было покрыто тонким, бархатистым слоем пыли. С окна открывался вид на те же унылые болота.

Я постояла посреди комнаты, чувствуя, как на меня давит эта гнетущая атмосфера безысходности. Но потом сделала ещё один глубокий вдох и обернулась к Марте.

– Спасибо. А теперь, Мэри, соберите, пожалуйста, всю прислугу. Здесь и в округе, кто сможет. В главном зале. Через полчаса.

В её глазах мелькнуло удивление, но она лишь кивнула: «Слушаюсь, мили».

Спустившись вниз, я нашла Мирту, которая уже разгружала провизию с помощью Элиаса.

– Тётя Мирта, мне нужна самая прочная одежда, какая найдётся. И тряпки. Много тряпок.

Через десять минут, скинув неудобное дорожное платье и переодевшись в грубую, но чистую домотканую рубаху и юбку, я стояла в главном зале перед кучкой людей. Их было

человек пятнадцать – в основном старики и несколько угрюмых мужчин средних лет. Они смотрели на меня с нескрываемым недоверием.

Я не стала читать им проповеди. Не стала обещать золотые горы. Я посмотрела на них, как когда-то смотрела на свою команду перед сложным проектом.

– Меня зовут мили Азалия. Я ваша новая хозяйка, – мой голос прозвучал чётко, разносясь под сводами. – Я вижу, что помещью требуется много работы. Начнаем с малого. Сейчас. Дарст, – я повернулась к управителю, – вам нужно осмотреть всю крышу, составить список самого необходимого для починки и найти людей, которые смогут это сделать. Марта, вы отвечаете за дом. Нужно вынести и вытрясти все ковры, снять и постирать все гобелены и портьеры. Найдите мне помощниц из деревни. Остальные... – мой взгляд скользнул по остальным, – мы начинаем с уборки. Всей. С чердака до подвала.

В зале повисло изумлённое молчание. Они наверно ожидали истерики, слёз или высокомерных приказов. Но не этого.

– А вы, мили? – старый Дарст скептически скривил губы.

Я взяла одну из тряпок, что принесла Мирта, смочила в ведре с водой, отжала и подошла к огромному резному комоду, покрытому толстым слоем пыли.

– Я буду делать то же, что и вы, – сказала я и провела тряпкой по поверхности. Оставив широкую, чистую полосу

на тёмном дереве. — Наводить порядок в моём новом доме.

И, не глядя на их изумлённые лица, я погрузилась в работу. Сначала движения были механическими, просто чтобы занять руки и не думать. Но постепенно азарт охватил и меня. Сметать пыль, оттирать грязь, открывать заколоченные окна, впуская в затхлые комнаты свежий, хоть и сырой воздух... Это была терапия. Каждая чистая поверхность была маленькой победой над хаосом и отчаянием.

Я работала, не замечая времени, чувствуя, как по спине струится пот, а в мышцах приятно ноет усталость. Это была настоящая, осязаемая работа. И глядя на то, как сначала нехотя, а потом всё более энергично помогали остальные слуги, я почувствовала удовлетворение.

Солнце уже клонилось к вершинам холмов, отливая багрянцем и придавая пейзажу почти живописный вид. Я вышла на крыльцо, смахнув со лба волосы. Руки ломило от непривычной работы, спина ныла. Но внутри горел огонёк — крошечный, но упрямый.

Мы успели не так уж и много. Половина первого этажа сияла чистотой, остальное по-прежнему утопало в полумраке и пыли. Но это было начало.

Я обернулась к дверям, где стали появляться уставшие слуги. Их лица были красны от натуги, одежды в пыли, но в глазах уже не было прежней отчуждённого недоверия. Читалось удивление, настороженный интерес и... усталость. Такая же, как у меня.

– На сегодня достаточно, – сказала я громко. – Спасибо всем за труд. Ужин будет готов через час. Отдыхайте.

Не дожидаясь ответов, я тяжело опустилась на грубую деревянную скамью у стены дома. Она скрипнула. Я закрыла глаза, откинув голову на спинку, просто сидела, чувствуя, как дрожь усталости разливается по телу. Руки соскользнули вниз.

И вдруг острая, колющая боль заставила меня вздрогнуть. Я ахнула и отдернула руку. На подушечке пальца выступила капелька крови. Нахмурившись, я наклонилась

Там, у подножия скамьи, придавленное чьим-то недавним неосторожным сапогом, пробивалось к свету небольшое растение. Его стебель был почти переломлен, несколько тёмно-зелёных, кожистых листьев смяты и покрыты грязью. Но самое главное – всё оно было усеяно мелкими, острыми шипами. Один из них и вонзился мне в палец.

Я уже собралась с досадой отшвырнуть колючку, но что-то остановило меня. Может, усталость, притупившая гнев. А может, то самое тёплое, трепетное чувство, что шевельнулось во мне при воспоминаниях о матери-Азалии и её садах.

Я осторожно, стараясь не уколоться снова, прикоснулась к уцелевшему листочку. Он был холодным и шершавым на ощупь. Жалким. Заброшенным. Таким же, как и всё вокруг.

– Эх, малыш... Тяжело тут пробиться, да? Все тебя топчут, не замечают... – прошептала я.

Провела пальцем по краю листа, смахивая прилипшую

землю. Внутри что-то сжалось от жалости к этому колючему, неказистому созданию.

— Ну ничего, — улыбнулась я. — Выжил ведь. Значит, сильный. И мы как-нибудь... мы как-нибудь тоже устроимся.

Глава 7

Мне снилась мама. Не та мама, не мать Азалии из видений с её магией и тёплым свечением. А моя. Родная. Мы были на даче, в стареньком домике в пригороде, который вечно требовал ремонта. Конец сентября, пахло прелой листвой и дымком от соседского костра. Мы копали картошку.

Я, пятнадцатилетняя, злилась. Вонзала лопату в землю с таким остервенением, будто хотела заколоть этот жалкий клочок земли.

«Зачем?! — бубнила я себе под нос. — Зачем эта чёртова дача и эта грязь? У всех нормальные выходные, а мы тут, как крепостные!»

Мама смотрела на меня своими усталыми, печальными глазами и просто молчала. Она всегда много молчала, особенно после того, как отец ушёл, когда мне было восемь. Она одна тянула меня, работая на двух работах, а выходные убивала на этом огороде, пытаясь хоть как-то сэкономить на еде. Её не стало через три года после того дня. Инсульт. Сказались годы стресса и непосильной работы.

И сейчас, в свои тридцать пять, лёжа на огромной кровати в чужом теле, в незнакомом мире, я наконец-то понимала.

Понимала, зачем ей нужна была эта дача. Это был не просто огород. Это был её способ выжить. Островок контроля в море хаоса. Место, где её труд превращался не в деньги, а в конкретные, осязаемые вещи – в банки с соленьями, в мешки с картошкой, в уверенность, что её дочь зимой не будет голодать. Это был её «Чёрный Вереск», её проект по спасению нас обеих. А я была эгоистичным подростком, и ничего и не понимала.

Я открыла глаза. В комнате было прохладно. Встала и подошла к окну, отодвинув тяжёлую портьеру.

Только на природе бывает такое утро. Воздух, чистый и влажный после ночи, пах сырой землёй, хвоей и чем-то цветущим, едва уловимо. Небо на востоке было цвета перламутра, и в этой предрассветной тишине где-то заливалась звонкой трелью маленькая птичка.

Казалось что больше нет никого. Только я, этот старый дом и пробуждающийся мир вокруг.

В теле приятно ныли мышцы после вчерашней уборки. Не та изматывающая усталость от офисного дня, когда голова гудит от перенапряжения, а приятная, физическая усталость, знак того, что ты сделал что-то реальное. Я потянулась, чувствуя, как напрягается каждая мышца.

А потом взгляд упал на постройки прилегающие к дому, на заброшенный сад, на поля, уходящие к болотам. И стало страшно. Одинокая женщина в чужом мире, в чужом теле, в полуразрушенном поместье, окружённая болотами.

Хватит ли сил? Что, если ничего не получится?

Страх сжал горло ледяными пальцами. Но почти сразу же его оттолкнуло другое, знакомое, давно забытое чувство. Азарт. Тот самый азарт, с которым я когда-то брала самый безнадежный проект в агентстве и вела его к успеху. Только масштаб теперь был иной.

Страшно? Ещё как. Но вместе с тем... чертовски интересно. Интересно посмотреть, что можно сделать с этим камнем, этой землёй, этими людьми. Интересно навести здесь свой порядок. Не тот показной, для балов и приёмов, а настоящий, живой, рабочий порядок. И получить то самое, глубинное, ни с чем не сравнимое удовольствие – от сделанной работы. От победы над хаосом.

Я отошла от окна и начала одеваться. Снова простая домотканая рубаша и юбка. Сегодня предстояло осмотреть всё поместье, составить реальный план, а не просто метаться с тряпкой. Нужно было поговорить с Дарстом о состоянии крыши и амбаров, с Мэри – о запасах провизии, обойти поля, оценить, что ещё можно спасти.

Спускаясь по лестнице, я услышала первые звуки просыпающегося дома – где-то хлопнула дверь, послышались шаги на кухне. Мирта, должно быть, хлопотала уже у печи.

Я вышла на крыльцо, подставив лицо свежему утреннему ветерку. Восход разгорался, заливая небо золотом и розовой перламутровой дымкой.

И вдруг краем глаза я заметила движение. Нет, не движе-

ние. Изменение.

Я медленно опустила взгляд на то место у скамьи, где вчера приютилось жалкое, придавленное колючее растение. И застыла.

Там, где был почти переломанный, чахлый стебелёк, теперь стоял уверенный, прямой побег тёмно-зелёного, почти изумрудного цвета. Смятые, грязные листья расправились, стали упругими и глянцевитыми, а мелкие, острые шипы казались теперь не признаком уродства, а грозной и совершенной защитой. Но самое невероятное – между шипами распустились крошечные, нежные бутоны цвета утренней зари, уже готовые раскрыться навстречу солнцу.

Это было невозможно. За одну ночь? Такого не бывает. Ни в моём мире, ни, я подозревала, в этом.

В голове закралась мысль, от которой перехватило дыхание. *Мать Азалии... её магия... Алая Лента...*

«Искра жизни», – прошептала я беззвучно.

Вчерашний разговор с Миртой, воспоминания о матери Азалии, её ласковые руки, заставлявшие цвести мёртвые ветки... и мои собственные, усталые, ничего не значащие шёпот усталые слова, обращённые к растению. *«Ничего, малыш... Выжил ведь. Значит, сильный...»*

Неужели? Неужели во мне всё же есть что-то от той самой «пустышки», чью кровь так презирал Райден? Только это была не та сила, которую он искал. Не сила разрушения, а сила... жизни.

Сердце забилося чаще. Часть меня кричала от восторга и надежды. Другая, более прагматичная, здравая часть, сомневалась, но другого, более разумного объяснения я не находила. Одно я точно понимала: об этом пока нельзя никому говорить. Пока.

Я сжала кулаки, чувствуя, как дрожь пробегает по всему телу. Мне нужно было узнать об этом больше.

Но как? Спросить Мирту? Она что-то знала о матери, но её знания были обрывочны. Нужен был настоящий источник. Кто-то, кто разбирался в этой «тихой» магии.

Но сначала... сначала нужно было сделать то, что я умела лучше всего. То, что всегда помогало мне привести в порядок мысли. Обычную повседневную работу.

Я глубоко вздохнула, отрывая взгляд от чудесного цветка, и обернулась к дому. Страх и смятение медленно отступали, сменяясь знакомой, жёсткой решимостью.

«Сначала приборка, – мысленно приказала я себе. – Сначала навести порядок в том, что можно починить руками. А там... там видно будет».

Я спустилась с крыльца и направилась к сараям, где уже слышались голоса и звон инструментов. Дарст, Мэри и остальные ждали указаний. А у меня как раз родился план. Масштабный, сложный и оттого ещё более заманчивый.

Глава 8

Я спустилась с крыльца. Подошла к группе собравшихся у сарая людей. Дарст, по виду уже изрядно нагрузившийся с утра, мрачно ковырял палкой землю. Мэри стояла с каменным лицом, сложив руки на груди. Несколько работников смотрели на меня с привычной апатией.

– Доброе утро, – бодро поприветствовала всех.

Все как-то разом выпрямились, пробормотав вразнобой «доброе утро» в ответ. Видимо, вчерашняя работа в пыли и поту бок о бок с ними дала неожиданный результат – в их глазах читалось уже не просто недоверие, а скорее настороженное любопытство. Ну что ж, уже кое-что, – я мысленно улыбнулась и продолжила.

– Дарст, – обратилась я к управителю. – Сегодня я хочу полностью обойти все владения. Начать с дома, потом амбары, поля, посмотреть, что осталось от сада. Вы со мной. Мне нужен человек, который знает каждую постройку.

Старик удивлённо хмыкнул, но кивнул:

– Как прикажете, мили Азалия.

– Мэри, – я повернулась к экономке. – Пока мы с Дарстом будем на осмотре, продолжите уборку в доме. Начните с кухни и кладовых. Мне нужен точный список всех запасов – муки, крупы, солений, всего. И узнайте, кто из местных женщин может помочь с большой стиркой и починкой. За

хорошую плату, естественно.

На лице Мэри мелькнуло что-то похожее на одобрение. Деловитые приказы она понимала куда лучше, чем истерики.

– Остальные, – мой взгляд скользнул по работникам, – продолжайте расчищать двор от мусора и зарослей. И найдите кого-нибудь, кто может починить эту скамейку.

Я кивнула в сторону того самого места, где цвёл мой колючий друг. Мне вдруг страшно захотелось его сохранить.

Все стали расходиться по своим делам, а мы с Дарстом двинулась в обход. И если снаружи поместье выглядело мрачным, то внутри хозяйственных построек открывалась настоящая картина запустения.

Главный амбар держался на честном слове. Сквозь щели в стенах пробивался свет, а часть крыши просела так, что казалось, она рухнет от первого же порыва ветра.

– Крыша течёт, мили Азалия, – сипло пояснял Дарст, – балки подгнили. Мышами всё изъедено. Зерно тут хранить – только портить.

Я расстроено ковыряла носком ботинка землю. Без зерна, без запасов – это голодная зима. Я-то выживу, а вот рабочие и жители поместья. А ещё я хотела теплицу поставить, чтобы и зимой продолжать работать.

Следующий сарай оказался в чуть лучшем состоянии, но и там требовался срочный ремонт. Дарст ворчал, кивал, тыкал палкой в очередную дыру, и я понимала – он не просто пьяница, он действительно знал и понимал это хозяйство. Про-

сто годы безнадёжности убили в нём всякое желание что-либо делать.

Когда мы вышли к полям, стало ещё печальнее. Земля была тяжёлой, глинистой, пронизанной камнями. Кое-где торчали жалкие остатки прошлогоднего урожая. Заболоченный край поля подходил почти к самому лесу.

– Земля плохая, – безразлично констатировал Дарст. – Отец генерала, царство ему небесное, пытался её облагородить, да не вышло. А уж после...

Он махнул рукой, давая понять, что после ухода Райдена всё окончательно захирело.

Мы подошли к тому месту, где когда-то был сад. Теперь это были заросли дикого кустарника, сквозь которые кое-где проглядывали одичавшие яблони и груши. И тут я остановилась как вкопанная.

Прямо передо мной, у края бывшей садовой тропинки, рос куст роз. Вернее, то, что от него осталось. Полусухие, почерневшие стебли, покрытые болезненными наростами. Но на одном, самом верхнем побеге, алел единственный, невероятно прекрасный, бархатный бутон. Он был совершенен. И он был абсолютно здоров, вопреки всему, что его окружало.

Я медленно подошла ближе, не в силах отвести взгляд. Вчера – колючка у крыльца. Сегодня – роза в мёртвом саду. Совпадение? После двух случаев это казалось маловероятным.

– Странно, – хрипло проговорил Дарст, почесав затылок.
– Вчера его ещё не было. Совсем. Куст этот давно уже мёртвый.

Я не ответила. Протянула руку и едва заметно, кончиками пальцев, коснулась бутона. Тот же лёгкий трепет, что я почувствовала вчера, пробежал по коже. Только теперь он был сильнее.

– *Живи*, – прошептала я тихо. – *Просто живи*.

– Ничего, Дарст, – сказала я, выпрямляясь, отводя руку.
– Если куст ожил, это же хорошо. Не думал об этом?

Старик что-то недовольно пробормотал, но спорить не стал.

Всё остальное время обхода я провела в глубокой задумчивости. План по спасению поместья выстраивался в голове чёткими пунктами.

Крыша.

Продовольствие.

Земля.

Но теперь к этому списку добавился ещё один, тайный пункт. Магия.

После обхода я вернулась к дому. Взяла палку и воткнула её рядом с моей колючкой, чтобы никто не захотел её вырвать. Она для меня стала знаком, что земля хочет проснуться и природа рада моему присутствию.

А ещё мне нужны были деньги. И немало. И единственным человеком, которого я могла попросить об этом, был

мой муж.

Я поднялась в свою спальню, и тяжёлая дверь с глухим стуком закрылась за мной, отсекая суету и ворчание Дарста. Теперь только я, стол, перо и пугающая необходимость просить помощи у человека, который меня презирает.

Сев за массивный письменный стол, я взяла в руки перо. Оно оказалось невероятно неудобным, тяжёлым и капризным. Первый лист я замарала, едва начав, поставив кляксу вместо изящного завитка. Второе сломалось на сгибе – я слишком сильно нажала. На третьем мои мысли спутались, и я начала писать так, как писала бы в своём мире: «Приветствую, тут у меня небольшой кризисный проект, нужны инвестиции...»

Я скомкала лист, с силой швырнула на пол. Бумага с шелестом полетела в угол.

Дыши, Катя. Дыши. Ты теперь не Катя. Ты Азалия. Жена генерала Райдена, так что пиши соответственно.

Я закрыла глаза, представила его – Райдена. Его холодные, стальные глаза, его презрительную усмешку.

Что могло заставить его помочь? Не слёзы, не мольбы. Только выгода. Или долг.

Я снова обмакнула перо и начала выводить буквы медленно, тщательно, стараясь сделать почерк максимально изящным.

«Генералу Райдену от его супруги, Азалии.»

Генерал, я прибыла в поместье «Чёрный Вереск». Состояние его, как вы и предупреждали, плачевно. Крыша главного амбара угрожает обрушением, запасы продовольствия недостаточны для предстоящей зимы, поля в запустении.

Я намерена навести здесь порядок и восстановить хозяйство, дабы поместье, с которого вы начинали свой путь, не пришло в окончательное запустение и не стало позорным пятном на вашей репутации. Однако для первоначальных работ – ремонта кровли, закупки зерна и инструментов – требуются средства.

Прошу вас выделить необходимую сумму. Я предоставлю подробный отчёт обо всех расходах.

С уважением, ваша жена Азалия».

Я перечитала написанное. Сухо, официально, без намёка на эмоции. Напоминание о его репутации и его же прошлом – единственные козыри, которые у меня были.

Взяв аккуратно исписанный лист, я спустилась вниз, в поисках Мирты и застала её в кладовой, где она с пристрастием пересчитывала мешки с мукой.

– Тётя Мирта, – окликнула я её. – Мне нужно отправить письмо. Генералу. Как это здесь делается?

Мирта обернулась, её взгляд скользнул по моему лицу, по-

том по письму в моей руке.

– Письмо? – Она тяжело вздохнула, вытирая руки о фар-
тук. – Так, сразу-то и не отправишь. Гонцов специальных
нет. Обычно ждут, когда кто-то по делам поедет. Или... – она
задумалась. – Должны быть почтовые голуби. В старой голу-
бятне, на конюшне. Но кто их там теперь знает, живы ли, ле-
тают ли. Давно уж не пользовались.

Почтовые голуби. Конечно. В мире с драконами – почто-
вые голуби. В этом была своя логика.

– Ну голуби так голуби, – согласилась я. – Главное, чтобы
доставили генералу в руки.

Глава 9

Пока голубь, будь он неладен, летел с моим письмом, я
решила завоевать ещё один плацдарм в этом доме – кабинет.

Комната была просторной, с большим дубовым столом и
стеллажами до потолка, забитыми книгами и свитками. Пах-
ло старым пергаментом и пылью, густой, как войлок. Я во-
оружилась тряпками, водой и решимостью.

Первый день ушёл на то, чтобы просто вымести годы за-
бвения. Пыль поднималась тучами, заставляя меня чихать и
вытирать слёзы. Но под этим слоем открывались сокровища.
Книги по истории Империи, трактаты о драконьих кастах,
военные стратегии. Я аккуратно протирала каждую, склады-
вая их по темам – пока для себя, чтобы хоть как-то система-
тизировать новые знания.

На второй день, передвигая тяжёлый стеллаж, чтобы вытереть пыль за ним, я наткнулась на свёрток, заботливо обёрнутый в грубую ткань и забытый в самом углу. Развернув его, я ахнула. Это были портреты. Небольшие, написанные маслом, в простых деревянных рамах.

На одном – суровый мужчина с пронзительными серыми глазами и тёмными волосами, собранными в практичный пучок. Его лицо было испещрено морщинами, но в нём читалась несгибаемая воля. На другом – женщина с грустными глазами, добрым лицом и пшеничными волосами, уложенными в простую косу. И в чертах обоих – неоспоримое сходство с Райденом. Его родители. Серые драконы, чей сын смог стать бронзовым. Но он спрятал их портреты, как нечто постыдное. Это маленькое открытие заставило моё сердце сжаться от странной жалости к тому мальчику, которым он когда-то был.

Я не стала прятать их обратно. Аккуратно протерев рамы, я поставила оба портрета на каминную полку. Пусть смотрят. Они заслужили право быть увиденными.

К вечеру второго дня кабинет преобразился. Книги стояли ровными рядами, стол был выскоблен до блеска, а на нём, в простой глиняной вазе, стояла та самая роза из сада. Её единственный бутон распустился в пышный, бархатный цветок алого цвета, наполняя комнату лёгким, едва уловимым ароматом. Она была моим талисманом, молчаливым доказательством того, что даже здесь, на этой проклятой земле,

возможны чудеса.

На третий день, когда я уже составляла список самых необходимых покупок на те скудные средства, что нашла в доме, снаружи донёсся топот копыт и окрик. Сердце ёкнуло. Я выглянула в окно и увидела всадника в потрёпанной дорожной накидке, но с гербом генерала на груди. Гонец.

Я не побежала ему навстречу, сохраняя достоинство. Спустилась в прихожую как раз в тот момент, когда Мэри, сурово сдвинув брови, впускала его в дом.

– Мили Азалия, – коротко поклонился гонец, снимая шлем. Его лицо было покрыто пылью и усталостью. – Письмо от генерала Райдена. И... распоряжение.

Он протянул мне два предмета: небольшой, туго свёрнутый свиток с сургучной печатью и... тяжёлый, туго набитый кожаный мешочек, который с глухим лязгом упал мне в ладонь. Звук был знакомым и прекрасным – звон монет.

– Благодарю вас, – сказала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Отдохните и подкрепись на кухне.

Гонец кивнул и последовал за Мэри.

Я вернулась в кабинет, на свой завоёванный командный пункт. Руки слегка дрожали. Сначала я разломила печать на свитке. Почерк был резким, угловатым, без единого лишнего слова.

«Азалия.

Средства выделены. Отчёт потребую.

Не опозорь имя, которое носишь.

Р.»

Ни приветствия, ни пожеланий удачи. Но это не имело значения. Он прислал деньги.

Я развязала шнурок на мешочке и высыпала содержимое на стол. Монеты были тяжёлыми, из бледного жёлтого металла, с изображением драконьей головы на аверсе и имперской короны на реверсе. Золотые кирины. Их было... много. Достаточно, чтобы начать. Я пересчитала их ещё раз, уже мысленно распределяя по статьям расходов. Большая часть уйдёт на самое необходимое – ремонт амбара, постройку оранжереи, закупку зерна и инструментов и материалов. И оплату работников, конечно. Что я буду за хозяйка поместья, если не заслужу своим отношением расположение людей, которые работают на меня.

Я давно усвоила для себя. Самый ценный ресурс – это люди. Создай им условия, относись со всей справедливостью и уважением и заслужишь не только уважение, но и настоящую преданность.

Я хотела пустить монеты в полный оборот и уже весной начать получать прибыль, чтобы больше не зависеть от генерала. Но я отложила небольшую сумму в сторону. Инвестиция в будущее.

Мой план с оранжереей и цветами был не просто прихо-

тью. Это был стратегический ход. Зерно и картошка дадут пропитание, но не прибыль. А редкие цветы, целебные травы или даже просто красивые букеты в голодном на роскошь Приграничье могли стать стабильным источником дохода. Чтобы больше не протягивать руку за подачкой к тому, кто меня презирает.

Но я не была наивной. Броситься выращивать первое попавшееся – верный путь прогореть. Мне нужны были данные. Анализ рынка, как сказала бы я в своей прошлой жизни.

Я подошла к окну кабинета, глядя на унылый пейзаж. Чтобы понять, что выращивать, нужно было изучить спрос. Узнать, что пользуется популярностью, по каким ценам продаётся, есть ли конкуренты. А для этого нужно было выбраться из этой каменной скорлупы и увидеть всё своими глазами.

– Мэри! – позвала экономку, выходя из кабинета.
Она появилась через несколько мгновений.

– Мили?

– Скажите, где здесь ближайший крупный рынок? И есть ли по соседству другие поместья, имения?

Мэри нахмурилась, обдумывая вопрос.

– Рынок... самый ближний – в трёх часах езды, в селении Дреннен. Туда свозят урожай, скот, ремесленники свои изделия продают. Бывает раз в неделю, по Змеиным дням. А

поместья... – она повела плечом. – По соседству только одно – имение «Серебристый Ручей». Принадлежит милорду Кадарену. Но он... нелюдим. Редко показывается. Скупой, говорят.

Так, значит, «Дреннен». Отлично. Два направления для разведки. Посещение рынка покажет общую ситуацию, а сосед-затворник... с этим сложнее. Был бы он женатым и имел детей, то ещё можно было рассчитывать на сотрудничество. Ещё и скупой. Нет, его я решила отложить на потом, когда будет свободное время. Основное внимание надо было сосредоточить на рынке.

– Спасибо, Мэри. Прикажите, пожалуйста, подготовить для меня лёгкую карету. Завтра с утра я еду в Дреннен.

На лице экономки вновь мелькнуло удивление, но она лишь кивнула:

– Слушаюсь, мили.

Глава 10

Лёгкий экипаж, подпрыгивая на ухабах, наконец-то вывез нас на главную улицу Дреннена. Селение оказалось шумным и оживлённым, совсем не таким, как наше глухое поместье. Воздух гудел от голосов, ржания лошадей и скрипа телег. Пахло дымом, специями, кожей и – что было самым обнадёживающим – свежим хлебом.

Я велела Элиасу остановиться на краю рыночной площа-

ди и, поправив простой шерстяной платок, вышла, стараясь выглядеть как заурядная горожанка, а не как жена генерала.

На рынке кипела жизнь. Торговцы наперебой расхваливали свой товар: туши свежезабитых свиней, грубые домо- тканые полотна, глиняные горшки, связки лука и чеснока. Я медленно прошлась между рядами, внимательно всматриваясь и прислушиваясь.

Мой взгляд упал на прилавок, ломившийся от ярко-оранжевых тыкв. Торговка, дородная женщина с красным лицом, тут же ухватилась за потенциальную покупательницу.

– Берите, милая, берите! – затараторила она. – Нынче тыквы отлично идут! Сладкие, сочные! И хранятся до весны!

Я сделала вид, что заинтересовалась, взяв в руки одну из тыкв.

– Да? А кто их покупает? – спросила я как бы невзначай.

– Да все! – развела руками торговка. – И горожане, и окрестные фермеры на корм скоту берут. Выгодно нынче свиней держать!

В этот момент из-за соседнего прилавка, заваленного вязанками сушёных трав, раздался хриплый, насмешливый голос:

– Тыквами только свиней кормить, потому их и покупают. Хочешь всю жизнь со свиньями работать – выращивай тыквы.

Я обернулась. На складном стуле сидела древняя старуха,

лицо её было похоже на сморщенное осеннее яблоко, но глаза, тёмные и пронзительные, горели живым, цепким умом. Перед ней на грубом деревянном ящике стоял пышный куст роз в глиняном горшке. Не чахлый побег, а настоящий, здоровый куст с несколькими бутонами нежного персикового оттенка. Он выглядел настолько чужеродно и прекрасно среди этой простой утвари, что казался волшебным.

Торговка с тыквами обиженно фыркнула и отвернулась. Старуха не спускала с меня своего взгляда.

– А коли тебе нужен дельный совет, хозяйка, то подойди лучше ко мне, – сказала она.

Заинтригованная, я поблагодарила торговку и подошла к старухе.

– И что же вы мне рассказать хотите? Какой совет дадите? – спросила я, глядя на розу.

Старуха хрипло рассмеялась.

– Советы за бесплатно не раздаю, милая. Уважаю свой труд и знания. Купи куст роз – и я тебе всё расскажу. Что знаю.

Я без колебаний достала кошелек и отсчитала несколько монет. Цена была завышенной, но я молча протянула деньги.

Старуха, довольно кивнув, сунула монеты в складки своей одежды.

– Садись, – буркнула она, указывая на ящик рядом.

Я присела на край, чувствуя себя ученицей.

– Тыквы... – начала старуха, презрительно скривив губу. – Это еда для желудка. А это... – она провела костлявой рукой по лепесткам розы, – еда для души. В Приграничье души у многих в запустении, как твои поля. Они сохнут по красоте, сами того не зная. Лекарственные травы – да, их берут. От хвори телесной. А от хвори душевной. От тоски. От памяти о чём-то прекрасном, что осталось там, в ихних Алэриях. – Она прищурилась. – Ты не местная. По глазам видно. И платье на тебе простое, а руки... руки выдают. Не работница ты. Ты – хозяйка.

Я не стала отрицать, лишь кивнула.

– Вот и думай, – продолжала старуха. – Кому тут нужны твои розы? Не тем, у кого в карманах пусто. А тем, у кого монеты звенят, да в душе – пусто. Одиноким старикам в их каменных мешках. Лекарям – для снадобий успокоительных. Молодым девкам, что хотят хоть каплю красоты в свою жизнь. Спрос есть. Маленький, но он есть. И конкуренции – ноль. Потому что все, как эта дура, – она кивнула в сторону торговли тыквами, – думают только о брюхе.

Она замолчала на несколько секунд и продолжила.

– Выращивай не только розы. Лаванду – для сна и от моли. Шалфей – для очищения. Мяту перечную – для желудка и ума. Но и красоту... красоту не забывай. Она тоже лечит.

Старуха подняла горшок с розой и протянула мне.

– Бери. На счастье. И помни: здесь ценят не количество, а редкость. Не то, что набивает желудок, а то, что греет душу.

Я взяла горшок, и в тот самый миг, когда мои пальцы сомкнулись вокруг прохладного, упругого стебля, я увидела это. Тончайшую, полупрозрачную алую ленту, которая на мгновение обвила веточку, словно дымка или отсвет невидимого пламени, и тут же исчезла. Сердце заколотилось где-то в горле. Может, показалось?

Я подняла взгляд на старуху, ища в её глазах подтверждение. Но её лицо оставалось непроницаемой маской из морщин. Как спросить? Спросить прямо – рискуешь прослыть сумасшедшей. А если не спросить, значит, упустить шанс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.